

Студенческая жизнь в фрагментах

Зачёты

Каждый предметный зачёт, выраженный в форме бумажки с печатью и подписью, как правило, украшенный оценкой и до поры до времени лежащий за семи замками, - это своего рода функционализированный гамбургер из затесавшегося Макдональдса. Иногда он бывает ещё неприхотливо тёпленьким, иногда в меру приостывшим, порой им можно насытиться, порой скорее просто перебиться, а бывает и так, что его вообще нет, хотя вроде предвиделся. Во всяком случае он (гамбургер, то бишь зачёт) лишь при большом (если не сказать, больном) воздействии фантазии напоминает то, что так сочно и роскошно нарисовано на рекламном стенде. Этот предмет выживания надо схватывать на лету, поскольку распространяется он в нашем случае полевыми кухнями, и класть желательнее сразу в рот, причём свой. А ещё лучше проглотить сразу, не долго думая, подавляя боль. И сразу же побежать на другим дистрибьютором. При этом естественно невозможно не видеть соседних голодающих, бегущих за различнейшими кухнями, и не испытывать чувства потерянности, зависти, озабоченности и собственной вины. Ведь нередко полевая кухня буквально пролетает мимо тебя, не успевшего соответственным образом отреагировать на неё. Некоторые безответственные или временно потерявшие чувство страха индивидуумы позволяют себе расслабиться. Впрочем, по настоящему расслабиться им всё равно не удастся, один уже вид мимо бегущих вызывает желудочные боли и тошнотворность. Так что, вперёд, пока тебя ноги кормят.

Время – не тётка

Единственная характеристика такого понятия как время, которая уместна в студенческом ритме, – это его хроническая нехватка. Хронически больные этим недостатком бегают по студгородку подобно астматикам, задыхающимся от недостатка воздуха. Если просвещение в современных условиях принципиально можно сравнить с откровениями христианской веры, то темп времени вполне аналогичен с инквизицией, бьющей по тебе неумолимым бичом всякий раз, когда ты позволил себе расслабиться, и чей результат есть не просвещение, а отупление и равнодушие. Впрочем, многократные удары бичом, равномерно направленные в разные бока и в правильных промежутках времени, притупляют боль и бичёванный выходит ещё более закалённым после такой процедуры. Более того, не будучи разбичёванным долгое время, студент не редко сам переходит к нормализующей технике самобичевания.

От просвещённого мазохизма к заразительному смирению

Отличить студента-салагу от студента-деда вовсе не так уж сложно, если хорошенько взглядеться. В течении своей студенческой карьеры жертва проходит через несколько метаморфозных фаз.

Начинающий студент (по окончании бюрократических состязаний ещё до начала занятий) обладает ясным и готовым на подвиги взором, говорящим прохожему: «Ну хоть вдарь мне в рожу! Честное слово, не обижусь!»

В промежуточное время рожица блещет дисгармоничностью. Подскакивающие брови, улыбки с натяжкой и глупость всего этого просто призывают встречного к действию: «Дарь мне в рожу! У меня того... Короче, давай.»

Где-то на финишном этапе своего университетского существования невезучий ловитель пирожков методично обзаводится совершенно иным обликом, обращаясь к прохожему своей беспомощностью и неумолимостью: «Кажется, у меня рак.»

Алексей Н. Головерда